

HAL
open science

”Утечка мозгов” в контексте диверсификации центрально-азиатских миграционных потоков

Julien Thorez

► To cite this version:

Julien Thorez. ”Утечка мозгов” в контексте диверсификации центрально-азиатских миграционных потоков. Olimov M. A., Olimova S. K. Миграции в Центральной Азии и России : мобильность человеческого капитала [Les migrations en Asie centrale et en Russie : la mobilité du capital humain], ER-Graf, pp. 38-53, 2022, 978-99985-1-020-3. <halshs-03897977>

HAL Id: halshs-03897977

<https://shs.hal.science/halshs-03897977v1>

Submitted on 14 Dec 2022

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

L’archive ouverte pluridisciplinaire **HAL**, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d’enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

« "Утечка мозгов" в контексте диверсификации центрально-азиатских миграционных потоков » [La "fuite des cerveaux" dans le cadre de la diversification des flux migratoires en Asie centrale], in Olimov M.A., Olimova S.K (eds.), *Миграции в Центральной Азии и России : мобильность человеческого капитала* [Les migrations en Asie centrale et en Russie : la mobilité du capital humain], Douchanbe, ER-Graf, pp. 38-53.

Утечка мозгов в контексте диверсификации центрально-азиатских миграционных потоков

Julien Thorez
Géographe
Chargé de recherche au CNRS
Centre de recherche sur le monde iranien (CerMI)
julien.thorez@cnrs.fr

За последние сорок лет, центральноазиатская миграционная система претерпела значительные изменения. Центральная Азия стала регионом эмиграции, после того как она была регионом иммиграции более чем столетия, в рамках Царской империи, а затем и СССР. Во-первых, иммиграционные потоки резко сократились (Зайончковская, 1996) несмотря на то, что появились "возвратные" этнические миграции, особенно в Казахстане куда приехали после независимости примерно 1 миллион этнических казахов, из Китая, Монголии, но больше всего из Узбекистана (Diener, 2005, Мендикулова, 2006). Во-вторых, эмиграционные потоки диверсифицировались, а в некоторых случаях и усилились (Зайончковская, Витковская, 2009).

Первая волна эмиграции касается русскоязычного населения (Витковская, 1996). Она началась в Казахстане в конце 1960-х годов. Затем, в 1970-х годах, она распространилась на Кыргызстан и весь регион. Но самый высокий уровень эмиграции наблюдался в 1989-1990 и 1992-1993-1994 годах, во время распада СССР и обретения независимости. В то время из Центральной Азии ежегодно эмигрировали несколько сотен тысяч человек. С мая 1992 по март 1993 года почти 300 000 русскоговорящих покинули Таджикистан в результате гражданской войны. Только в 1994 году, около 500 000 человек, в основном русскоязычных, уехали из Казахстана, по официальным данным.

Вторая волна эмиграции касается центральноазиатского населения региона: Таджикив, Киргизов, Узбекив, а теперь и Туркменов (Рязанцев, 2007, Брусина, 2008, Laguelle, 2010). Этот поток имеет трудовой характер. Хотя среднеазиатское население характеризовалось наименьшей миграционной мобильностью в СССР (Зюзин, 1983, Тарасова, 1985), в настоящее время, эта трудовая миграция носит массовый характер, кроме в Казахстане. Существуют разные оценки числа мигрантов. Данные комитетов по статистике стран эмиграции часто не совпадают с данными комитетов по статистике стран иммиграции. Данные о миграции не учитывают "временную" и "сезонную" мобильность, несмотря на то что "постоянные" миграции не являются преобладающими. В целом, можно тем не менее считать, что числа мигрантов около 5 миллионов.

По официальным данным, сальдо миграции стало отрицательным в 1970-х годах во всех республиках региона, сначала в Казахстане и в Кыргызстане. За исключением нескольких лет в 2000-х годах в Казахстане, эта ситуация продолжалась после независимости. В период между переписями 1989-ого и 1999-ого годов, население Казахстана даже сократилось в связи с эмиграцией: численность населения составляла 16,199 миллиона человек в 1989, но 14,953 миллиона человек в 1999. Центральные, северные и восточные регионы, деревня, как и в города, за исключением новой столицы, тогда столкнулись с катастрофическим демографическим кризисом (Козина, 2001).

В настоящее время, Центральная Азия остается регионом эмиграции, хотя волна эмиграции русскоязычного населения уже не так интенсивна. Из-за этого, место региона в международной миграционной системе изменилось после независимости, тем более что все "пост-советские" миграции стали международными. Среди современных различных эмиграционных потоков, "утечка мозгов", т.е. миграция квалифицированных или высококвалифицированных рабочих (инженеров, техников, компьютерщиков, медицинских работников, менеджеров, артистов, преподавателей, студентов, и.т.д) в развитые страны прежде всего из стран Юга, занимает особое место. Эти мигранты, которые принадлежат к профессиональной элите, являются очень часто представители состоятельных социальных слоев, несмотря на то что система образования теоретически универсальная в странах региона. Важно тоже напоминать, что, в отличие от других миграционных потоков, эта мобильность касается всех стран Центральной Азии и даже постсоветского пространства без исключения (Korobkov, Zaionchkovskaia, 2004).

1. Эмиграция квалифицированных кадров из Центральной Азии: малоизученная проблема?

За последние 15 лет, тема миграции в Центральной Азии стала предметом многочисленных исследований. Ранее этот феномен изучали лишь несколько специалистов, прежде всего в советских научных и административных учреждениях. Теперь, изучают центрально-азиатские миграции в рамках научных проектов в республиках Центральной Азии, в России, в Европе или в Северной Америке, также, как и в рамках деятельности международных организации (МОМ, ПРООН, ВБ, и.т.д.). Антропологи, социологи, демографы, а также географы, экономисты и политологи проводят исследования по миграции различных центрально-азиатских населения на

основе полевых исследований в странах эмиграции, как и в странах иммиграции (особенно в России).

Тем не менее, вопрос "утечки мозгов" из Центральной Азии не привлекает очень большое внимание в научных трудах, в том числе в трудах, опубликованных в Европе или в Америке. В целом, аналогичная ситуация встречается с отчётами международных организаций, хотя в последние годы этот вопрос был поднят в некоторых публикациях (Полетаев, 2016, МОМ, 2019).

Современные труды изучают прежде всего "трудовые миграции" и в основном фокусируются на:

- факторах мобильности мигрантов (антропологических, социальных, экономических, политических, географических и др.)
- акторах миграционных потоков и их сетях
- географическом происхождении, географическом направлении миграционных потоков
- условиях проживания и работы мигрантов за рубежом
- роли денежных переводов в пользу экономического положения семей мигрантов, как и на масштабе государств
- связях между миграцией и религиозными практиками
- последствиях эмиграции для семейной жизни
- последствиях миграции из Центральной Азии для общества и экономики стран назначения
- интеграции мигрантов в обществах назначения

Во многих трудах подняли вопрос о постколониальной и постимперской форме миграции (Космарская, 2006, Hohmann, Mouradian, Serrano, Thorez, 2014). Также обсуждался вопрос о продолжительности миграционной практики до и после независимости для мобильности русскоязычных населения, как и центрально-азиатских народов. Например, некоторые исследователи объяснили, что эмиграция русскоязычного населения имеет характеристику непрерывности между советским периодом и периодом независимости (Blum, 1994). С этой точки зрения, эмиграция русскоязычного населения в советском периоде отражает положение "предварительной деколонизации". Другие, особенно в постсоветских странах, считали, что с распадом СССР эмиграция русскоязычного населения приобрела новую форму. Таким образом, в связи с политическим контекстом, они использовали термин "вынужденные миграции", чтобы описывать постсоветские миграции (Витковская, 1996). Они также разъяснили, что при Союзе, большинство мигрантов были молодыми, которые уехали из центрально-азиатских республик на учёбу или на работу, когда в самом конце советского периода и после распада СССР, эмиграция касалась всех поколений, в условиях экономического и социального кризиса, в условиях строительства независимых государств (Зайончовская, 1996). Некоторые исследователи также показали, что демографические последствия постсоветской миграции (резко уменьшение численности русскоязычного населения, уменьшение численности общего населения во всех областях северного, центрального и восточного Казахстана) сильно отличались от эффекта советской эмиграции над центрально-азиатскими обществами (стагнация численности русскоязычного населения,

замедление темпов роста населения в северных и восточных регионах Казахстана) (Thorez, 2009).

В основном, проблема "утечки мозгов" осталась второстепенной в публикациях, хотя теперь существует значительная научная литература по миграции из Центральной Азии. Эта ситуация связана с несколькими факторами. Во-первых, Центральная Азия рассматривается как регион, где явление "утечки мозгов" не широко распространено по разным причинам, в том числе, потому что эмиграция русскоязычного населения рассматривается как этническая, а не как профессиональная миграция, и потому что, эмиграция центральноазиатского населения не рассматривается как поток квалифицированных лиц. На самом деле, большинство центрально-азиатских трудовых мигрантов не имеет высшего образования и занимает неквалифицированную или и низкоквалифицированную работу, например, в российских городах, в сфере услуг, торговли, строительства или промышленности. До этого, некоторые исследователи отметили, что низкая миграционная мобильность центрально-азиатских населений во время советского союза оказалась связанной с их низким уровнем квалификации (Топилин, 1975, Patnaik, 1995). Во-вторых, в исследованиях о последствиях современных трудовых миграций для мест происхождения, взгляд фокусируется на масштабе семей или местных сообществ. Редко обсуждается вопрос связей между миграцией и развитием, потому что публикация нечасто относится к области Development Studies. В-третьих, в трудах о последствиях центрально-азиатских миграции для мест назначения, внимание не концентрируется на "профессиональной элите", что является довольно классической ситуацией среди исследований по миграции.

Однако, исследования о мобильности квалифицированных кадров были проведены в Центральной Азии ещё во время советского союза. В основном вопрос миграции квалифицированных кадров был тогда изучен в научных институтах и в административных учреждениях в рамках исследований о трудовых ресурсах, о региональной развитии. Распределение трудовых ресурсов (в том числе квалифицированных кадров) было важным элементом государственной политики в контексте советского планирования, на масштабе территории СССР и Центральной Азии.

Что касается современного периода, следует отметить, что, в отличие от того, что существует в сфере изучения центрально-азиатских миграций, в целом, труды о миграции квалифицированных кадров являются важной частью исследований о международных миграциях. Это особенно ясно в публикациях, которые описывают в целом эффекты международных миграций над обществами, или экономикой, на масштабе мира или в публикациях об Африке, Карибских островах, или Южной Америке (Docquier, 2007, Bellemare, Carlier, 2013). Правда, что, в этих регионах, это явление достигает рекордных уровней, так как в некоторых странах Карибского бассейна, как Гаити, 70%, 80% квалифицированных граждане живут и работают за границей.

Необходимо наконец заметить, что проблема "утечки мозгов" стал в некоторых странах Центральной Азии открытым и политическим вопросом. В СМИ, все чаще говорят и пишут об эмиграции квалифицированных кадров, в частности, во время публикации ежегодных данных о миграции национальными статистическими комитетами.

Журналисты очень часто представляют этот поток как потеря человеческого капитала, то, что, например беспокоит политиков. В рамках политических институтов, существуют дебаты о миграции профессиональной элиты, дискуссии о позитивных и особенно о негативных последствиях миграции квалифицированных кадров. Например, в Казахстане, несколько раз, депутаты и сенаторы публично обсуждали этот вопрос во время сессии парламента.

2. Эмиграция центрально-азиатских "мозгов": массовый и комплексный феномен

"Утечка мозгов", которая началась еще до обретения независимости, соединяет три основные тенденции в Центральной Азии: эмиграция квалифицированных кадров постсоветских и постсоциалистических стран, эмиграция русскоязычного населения, и эмиграция квалифицированных лиц развивающихся стран.

Во-первых, эмиграция центрально-азиатских "мозгов" была связана с процессом эмиграции квалифицированных кадров затронувши все постсоветские и постсоциалистические страны с конца 1980-х годов. Как из Восточной Европы так и из России, компетентные люди из всех стран Центральной Азии мигрировали в Западную Европу и Северную Америку, во время распада социалистического лагеря (Korobkov, Zaionchkovskaia, 2012, Полетаев, 2016, Рязанцев, Письменная, 2016). Открытие границ - в 1987, СССР резко увеличил число разрешений на эмиграцию; а в 1991, новый миграционный закон ввел право на выезд и возвращение в СССР - стимулировал миграционную мобильность квалифицированных лиц, как и привлекательность западных стран в плане политики, экономики, культуры, или науки : в то время треть эмигрантов имели высшее образование, по официальным данным. В рамках этого процесса, много ученых из центрально-азиатских учреждений тогда мигрировали. Некоторые уехали в Германию, Великобританию, Францию, Нидерланды, так и в США, в Канаду, другие в Израиль; среди остальных, много направлялись в Россию.

В зависимости от периода и страны, мотивации постсоветских и постсоциалистических мигрантов изменились, из-за эволюции социального, экономического и политического положения. В России, если в 1990-х годах, в связи с постсоветским кризисом, социально-экономическая ситуация была основной причиной эмиграции квалифицированных кадров, в 2010-х годах, политический контекст снова играет более важную роль, так как повысился уровень жизни среднего класса но усилен политический контроль (Herbst, Erofeev, 2019). В Центральной Азии, наблюдается немного иная ситуация. Уровень жизни многих квалифицированных работников остается скромным, особенно в южных странах региона, несмотря на улучшение экономической ситуации после 1990-х годов (см. ниже).

Во-вторых, эмиграция центрально-азиатских квалифицированных специалистов была связана с отъездом русскоязычного населения из региона, как и на южном Кавказе. В рамках этого потока, из стран Центральной Азии уехали тысячи техников, инженеров, врачей, преподавателей, и других специалистов. Этот процесс касался всех секторов деятельности, сельского хозяйства, как и промышленности, службы, администрации, науки или образования. По масштабу он был особенно сильным в Казахстане, где

неказахское население составляло большинство населения во время переписи 1989 года, и быстрым в Таджикистане, из-за гражданской войны. После независимости, из Казахстана эмигрировали более 3,5 миллионов человек, в том числе многие русскоязычных квалифицированных кадров (Садовская, 2009). Из-за этого, страна столкнулась с дефицитом кадров во многих отраслях. В 2010-х годах, эмиграционные потоки стали менее интенсивными, чем в 1990-х и в 2000-х годах: в последнее десятилетие, число "постоянных" эмигрантов составило 330 000 человек, тогда как более 2 600 000 человек уехали из Казахстана в 1990-х годах и около 800 000 человек в 2000-х годах, по официальным данным. Но, каждый год, Казахстан все еще теряет определенного количества "своих" мозгов.

В-третьих, эмиграция квалифицированных лиц связана с современным уровнем развития Центрально-Азиатских стран. По разным причинам (низкие доходы, недостаток карьерных возможностей, неэффективное управление, уровень коррупции, слабое качество системы здравоохранения и системы образования, трудности чтобы развивать свою деятельность, отсутствие долгосрочных перспектив, социальная имитация, итд.), условия жизни и работы на родине часто не совпадают с тем что теперь ожидают образованные люди (МОМ, 2019). В контексте увеличения социо-территориального неравенства, современная социальная и экономическая ситуация стимулирует эмиграцию квалифицированных лиц, в первую очередь среди молодёжи тем более, что, в глобальном мире, миграционная мобильность стала очень распространенным явлением на национальном и на международном масштабе. Таким образом, страны Центральной Азии сталкиваются с процессом, который существует почти во всех развивающихся странах, утверждая, что они переходили с Севера на Юг во время постсоветского кризиса (Hohmann, Mouradian, Serrano, Thorez, 2014). Сегодня, именно этот компонент является важнейшим аспектом оттока квалифицированных кадров из региона. Надо отметить, что, как только в какой-то стране замедляется экономический рост, возрастает эмиграция квалифицированных кадров. Это наблюдалось в Центральной Азии во время кризиса 2008-2009 годов, но все-таки на более низком уровне, чем в Латвии, Литве, или в Эстонии.

Практически, много специалистов центрально-азиатского происхождения, независимо от национальности, сегодня работают за границу. Например, значительное число таджикских врачей и медсестер не работают в Таджикистане, а в российских больницах и поликлиниках. Последние годы, появилась в Москве "диаспора" казахстанских компьютерщиков, которые нашли там динамическую профессиональную среду, которая, по крайней мере, не существует у себя. Кроме в России, во многих развитых и богатых странах, существует какая-то центрально-азиатская "диаспора" квалифицированных лиц.

Кроме того, несколько десятков тысяч студентов из Центральной Азии учатся сегодня за рубежом. По оценкам МОМа, их более 60 000 из Казахстана, 50 000 из Узбекистана, 30 000 из Таджикистана, 15 000 из Кыргызстана (МОМ, 2019). Их основное направление - Россия. Но центрально-азиатские студенты также учатся в Китае, Южной Корее, Турции и западных странах (Европа, Северная Америка). Несколько государственных программ поддерживают эту студенческую мобильность. Наиболее важной является программа "Болашак" в Казахстане (*Десять лет программы "Болашак"*, 2004). Следует отметить,

что эти программы требуют от стипендиатов возвращаться в свои страны после учебы, чтобы там работать, в том числе в государственной администрации. Из-за этого, “Болашаковцы” сегодня играют все более важную роль в политической жизни Казахстана. Лицо как Бауржан Байбек, который учился в Германии, работал в администрации президента, затем акимом Алматы, и сейчас возглавляет президентскую партию, является ярким примером такой траектории. Но надо тоже напоминать, что среди тех, кто учились за границу в рамках этих программ, много сейчас не работают на родине, а за границу. Это оказалось значительным явлением среди получателей стипендию "Умид" в Узбекистане. Некоторые из них даже предпочитали возвратить стипендию чтобы постоянно остаться в северной Америке, в Европе, или в Японии, в конце учебы. И среди тех, кто вернулись в Узбекистан, много ждали с нетерпением освобождения от государственной работы.

За последние 30 лет, миграционные потоки диверсифицировались в Центральной Азии: характер, направление, временность потоков стали очень разнообразными. Сами мигранты имеют более разнородные социологические профили. В этом контексте, регион сегодня известен для масштаба “классических” трудовых миграции, но страны Центральной Азии тоже сталкиваются в настоящее время с потоком квалифицированных лиц, в связи с чем возникают важные политические, экономические и этические вопросы.

3. Мобильность "мозгов": положительное или отрицательное явление?

В сфере науки, в сфере экспертиза, как и в сфере политики, анализируются и обсуждаются последствия миграции квалифицированных кадров. Особенно обсуждаются позитивные и негативные эффекты этих миграции. Существуют несколько точек зрения: в целом, можно выделить оптимистичный и пессимистичный подход к мобильности квалифицированных людей. (Levatino, Pécoud, 2014).

Пессимистичный подход появился в 1960-х и 1970-х годах, после того как термин "утечка мозгов" был впервые использован в английских газетах в 1963 году для описания отъезда британских ученых в Северную Америку (Dumitru, 2009). Развивающиеся страны согласились с этим анализом который подчеркивает ущерб, причиненный "утечкой мозгов" в страны эмиграции. Проще говоря, они считали, что миграция квалифицированных кадров делала богатые страны еще более богатыми, а бедные - бедными.

В то же время, чтобы исправить эту ситуацию, было предложено создать механизмы компенсации ущерба, особенно в виде налогов (Dumitru, 2009): во-первых, с помощью "налоги на выезд". В 1972 году, в СССР, был введен такой налог для немногих граждан, выезжающих из страны. Идея заключалась в том, чтобы вернуть инвестиции в образование. В это время, данный налог прежде всего платили евреи, которые уехали из СССР. Во-вторых, “налог на квалифицированных трудящихся-мигрантов в пользу страны выезда”. Идея состоит в том, чтобы компенсировать вклад мигрантов в экономику и общество, который они могли бы внести, если бы они остались в своей стране. Этот налог предложил экономист Jagdish Bhagwati.

Оптимистичный подход возник в начале 1990-х гг. Тогда появилось понятие “циркуляции мозгов”. Этот подход высоко ценит потенциал "бедных" и "мигрантов" чтобы себе найти положительный путь в контексте глобализации. Сегодня, положительные и отрицательные эффекты миграции квалифицированных кадров в странах эмиграции довольно известные судя по научной литературе, не смотря на то-что можно и не полностью согласится со всеми тезисами (Docquier, 2007, Dimitru, 2009, Zimmermann, 2017).

Основные негативные последствия эмиграции квалифицированных кадров являются следующие:

- лишение трудовых ресурсов и человеческого капитала
- снижение инновационного потенциала
- сокращение государственных инвестиций в образование
- рост социального неравенства

С другой стороны, труды показывают, что эти миграции могут тоже создавать положительные эффекты в странах эмиграции, в том числе:

- доступ к новым технологиям
- переход навыков и знания
- увеличение семейных доходов благодаря денежным переводам
- повышение среднего уровня образования
- улучшение рынка труда
- улучшение управления страны
- потенциальное повышение статуса женщин

В целом, публикации подчеркивают, что положительные эффекты связаны с ролью диаспоры, с эффектами возвращения мигрантов на родину, с потенциальными перспективами на будущее. Однако важно напоминать, что связи между членами диаспоры и их семьями, оставшимися на родине, ослабевают со временем, из поколения в поколение.

Теперь, научные труды, в том числе экономические публикации, поддерживают идею, что положительные эффекты важнее чем отрицательные, если поток эмиграции квалифицированных людей не слишком мощный (Docquier, 2007, Zimmermann, 2007). Из-за этого, большинство из них считает, что страны эмиграции не должны специально бороться против этих миграций. Однако, в некоторых развивающихся странах существует дискурс, который ассоциирует мигрантов с предателями. Ученые и эксперты, наоборот, считают, что право уехать из своей страны является фундаментальным (Dimitru, 2009). Также, они думают, что мигрант не должен возратить инвестиции на образование. С их точки зрения, образование не может быть инвестиций, который создаёт обязательства, потому что, оно должно быть средством эмансипации. В целом, они считают, что мигранты не должны возместить ущерб для страны.

В общем, эти научные и политические дискуссии подчеркивают, насколько мобильность "мозгов" вызывает вопросы в социальном и экономическом плане, но и тоже в культурном, политическом и этическом плане, поскольку этот поток тесно связан с условиями жизни, с моделью развития.

Заключение

Уже несколько десятилетий, центрально-азиатские страны сталкиваются с процессом эмиграции квалифицированных лиц, хотя этот аспект миграции часто недооценивается в публикациях. Эта проблема преобразует общества, ставит фундаментальные вопросы перед политическими деятелями. Но Центральная Азия не только является регионом эмиграции. Несколько потоков квалифицированных кадров направляются в регион.

В настоящее время, некоторые иностранные квалифицированные мигранты работают для центральноазиатских предприятий и учреждений. Некоторые иностранные ученые преподают в университетах, например в университете Назарбаева в столице Казахстана, Нур-Султан, или в КИМЕПе в Алматы... Другие квалифицированные мигранты, в основном из западной Европы, работают для центральноазиатских компаний. В секторе транспорта, в Казахстане, их не сколько, в управлении национальной авиакомпании *Эйр Астана*, и национальной железнодорожной компании *КТЖ*. В Таджикистане, авиакомпании *Сомон Эйр* нанимает некоторых иностранных кадров. Кроме того, иностранцы – экспаты - работают тоже в представительствах международных фирм в Центральной Азии. Несколько французских инженеров работают в Казахстане на добыче урана для французской фирмы *Орано*. Много инженер-строителей из Турции, Эмирата, и других стран работают на стройках в крупных городах. В Нур-Султане, они, например участвуют в строительстве небоскреб *Абу Даби Плаза*.

В дополнение к этим потокам, в страны Центральной Азии также возвращаются некоторые квалифицированные граждане, после того как они учились или работали за рубежом. Эта возвратная мобильность является важнейшей задачей для центрально-азиатских обществ и государств, которые должны создавать условия для развития их деятельности. Все эти аспекты (разнообразие акторов, неоднородность потоков, социальные и экономические последствия, и.т.д.) подтверждают, что миграция квалифицированных лиц является сложным процессом, который играет важную ролью в интеграции Центральной Азии в сложных процессах глобализации. Государства должны обязательно знать и понимать эту мобильность, чтобы определить свою программу развития.

Литература

Bellemare, F.-A, Carlier, F., 2013, “La dynamique migratoire : quels facteurs causaux de la fuite des cerveaux ? Une étude dans le contexte économique des territoires insulaires caribéens”, *Revue d'économie régionale et urbaine*, n° 5, pp. 891 – 909.

Blum, A., 1994. *Naître, vivre et mourir en URSS (1917-1991)*, Paris, Plon, 273 p.

Брусина, О., 2008, “Мигранты из Средней Азии в России: этапы и причины приезда, социальные типы, организации диаспор”, *Вестник Евразии*, n° 40, с. 66 -95.

Витковская, Г. С., 1996, “Миграционное поведение нетитульного населения в странах центральной Азии”, in Витковская, Г. С. (ed.), *Миграция русскоязычного населения из Центральной Азии: причины, последствия, перспективы*, Москва, Carnegie, с. 83-131

Десять лет программы "Болашак", 2004, Алматы, Эдельвейс, 96 с.

Diener, A.C., 2005, “Kazakhstan’s Kin State Diaspora: Settlement Planning and the Oralman Dilemma”, *Europe-Asia studies*, vol. 57, n° 2, pp. 327 – 348.

Docquier, F., 2007, “Fuite des cerveaux et inégalités entre pays”, *Revue d’économie du développement*, vol. 15, n° 2, pp. 49-88.

Dumitru, S., 2009, “L’éthique du débat sur la fuite des cerveaux”, *Revue européenne des migrations internationales*, vol. 25, n°1, pp. 119-135.

Herbst, J., Erofeev S., 2019, *The Putin Exodus – The new russian brain drain*, Washington, Atlantic Council, 59 p.

Hohmann, S., Mouradian, C., Serrano, S., Thorez, J. (eds.), 2014, *Development in Central Asia and the Caucasus – Migration, Democratisation and Inequality in the Post-Soviet Era*, London – New York, I.B. Tauris, 416 p.

Козина, В. В., 2001, *Население центрального Казахстана (40-е годы - конец XX-ого века)*, Алматы, Оркениет, 184 с.

Korobkov, A. V., Zaionchkovskaia, Zh. A., 2004, “The changes in the migration patterns in the post-Soviet states: the first decade”, *Communist and Post-Communist Studies*, vol. 37, pp. 481-508.

Korobkov, A. V., Zaionchkovskaia, Zh. A., 2012, “Russian brain drain: myths v. reality”, *Communist and Post-Communist Studies*, vol. 45, pp. 327-341.

Laruelle, M. (ed.), 2010, *Dynamiques migratoires et changements sociétaux en Asie centrale*, Paris, Pétra, 320 p.

Levatino, A., Pécoud, A., 2014, “Une analyse du discours international sur la « fuite des cerveaux ». Un consensus en trompe-l’œil”, *Cahiers d’études africaines*, pp. 213-214.

Макскакова, Л. П., 1986, *Миграция населения в Узбекистане*, Ташкент, Узбекистан, 208 с.

Макскакова, Л. П., 2001, *Миграция населения: проблемы регулирования*, Ташкент, 185 с.

Мендикулова, Г.М. , 2006, *Казахская диаспора: история и современность*, Алматы, Всемирная ассоциация казахов, 343 с.

Внешняя молодежная миграция в странах Центральной Азии: анализ рисков и минимизация негативных последствий, МОМ / КИСИ, Астана, 2019, 88 с.

Olimova, S., 2010, “The impact of labour migration on human capital: the case of Tajikistan”, *Revue européenne des migrations internationales*, vol 26, n° 3, pp. 181- 197.

Patnaik, A., 1995, “Agriculture and Rural Out-migration in Central Asia (1960-1991)”, *Europe-Asia Studies*, 47 (1), pp. 147-169.

Полетаев, Д.В., 2016, *Миграция и вопросы квалификации в Северной и Центральной Азии*, ESCAP, 99 с.

Рязанцев, С.В., 2007, *Трудовая миграция в странах СНГ и Балтии: тенденции, последствия, регулирование*, Москва, РАН, 574 с.

Рязанцев, С.В., Письменная Е. Е., 2016, “Эмиграция ученых и высококвалифицированных специалистов из России”, *Социология*, n° 4, с. 18-27.

Садовская, Е.Ю., 2009, *Казахстан в центрально-азиатской миграционной субсистеме* in Зайончковская, Ж. А., Витковская, Г. С., Eds., *Постсоветские трансформации: отражение в миграциях*, Москва, Адамант, с. 279-322.

Тарасова, Н.В., 1985, “Проблема повышения миграционной активности населения”, *Современные проблемы миграции*, Москва, Мысль, с. 47-63.

Thorez, J., 2009, «Хорошо там где нас нет ! L’émigration des « Russophones » d’Asie centrale », *EchoGéo*, 2009, <http://echogeo.revues.org/index11212.html>

Thorez, J., 2010, « La mobilité des migrants d’Ouzbékistan : transport, frontières et circulation migratoire », *Revue Européenne des Migrations Internationales*, 2010, vol. 26, n° 3, pp. 31-57. <http://remi.revues.org/5207>

Топилин А.В., 1975, *Территориальное перераспределение трудовых ресурсов СССР*, Москва, Экономика, 159 с.

Зайончковская, Ж.А., 1996, “Исторические корни миграционной ситуации в Средней Азии”, in Витковская, Г. С. (ed.), *Миграция русскоязычного населения из Центральной Азии : причины, последствия, перспективы*, Москва, Carnegie, с. 41-64.

Зайончковская, Ж.А., Витковская, Г.С. (Eds.), 2009, *Постсоветские трансформации: отражение в миграциях*, Москва, Адамант.

Zimmernann, K. F., 2017, “La migration en faveur du développement: des défis aux opportunités”, *Revue d’économie du développement*, vol. 15, n° 1, pp. 13-30.

Зюзин, Д. И., 1983, “Причины низкой мобильности коренного населения республик Средней Азии”, *Социологические исследования*, n°1, с. 109-118.